

Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 16 декабря 2015 г.

Текст: Л. Джуссани. *Признать Христа*. // Х. Каррон. *Присутствие во взгляде*. С. 75–88.

- *Come hai fatto*
- *Di più*

Слава...

Как мы можем признать Его в событиях, происходящих у нас на глазах? Что позволяет нам говорить: «Какой прекрасный день я провел с тобой <...>. Искренний Друг пришел ради нас» (*Di più*. Слова и музыка К. Кьеффо)? Благодаря чему мы распознаем Его голос среди множества других голосов, Его слова среди всех остальных слов? Что происходит в тишине, о которой поется в песне? Почему жизнь никогда не заканчивается?

Я хотела бы попросить тебя лучше объяснить, что значит фраза, которую ты сказал нам на упражнениях в Римини: «Признавать Христа – это труд». Мной обычно двигают эмоции, и я не задаюсь никакими особенными вопросами. Затем обстоятельства вдруг меняются, и я падаю. Если же случаются исключительные события, мое сердце тут же начинает учащенной биться в груди и просит жизни, а не просто существования. В такие моменты я начинаю перечитывать школу общины, однако проходит какое-то время, и я откладываю текст и постепенно забываю о нем или даже начинаю думать, что читать его – некая нравственная обязанность. Я не понимаю, почему мне не удается хранить верность этой работе. Она не может быть всего лишь долгом. Когда мы говорим, что начинаем работу, я чувствую, будто меня вынуждают исполнять очередную нравственную обязанность. Не знаю, почему ничто во мне не меняется. Проблема в том, что происходящее не достаточно значимо для меня? Или дело во мне? Может ли человек быть не в состоянии удивляться? Неужели моя свобода слишком ленива и не способна выйти за рамки простой эмоции? И если это так, как измениться? Я должна задать эти вопросы тому, кто ответит, поскольку мне совершенно ясно, что сейчас я топчусь на месте, что могу всю жизнь принадлежать Движению и не расти, а только плыть по течению.

Как ты сама говоришь, это проблема, серьезная проблема. Нельзя сказать, что ничего не происходит, но, если происходящее сводится исключительно к эмоциям, в скором времени ты падаешь. Тогда – тут ты совершенно права – остается лишь нравственное усилие, и нам прекрасно известно, куда оно заводит. Так в чем же проблема: в событии или во мне? Или и в том, и в другом? Если человек не растет над собой, он не может признать Его. Мы должны это учитывать и помнить, что говорил Джуссани: «Признавать присутствие Христа – это труд в буквальном смысле слова». Часто событие представляется нам столь очевидным, столь прозрачным, что как будто уже нет нужды хоть в каком-то движении свободы, чтобы признать его. Для нас (в последние годы мы много раз это повторяли, но постоянно возвращаемся к одному и тому же) событие и работа чуть ли не противопоставлены, и, если необходимо совершить шаг, действие, нам кажется, что мы впадаем в морализм. Но скажи мне, когда ты влюбляешься, разве тебе не хочется пойти к любимому человеку на следующий день? Это тоже морализм? Это некая нравственная обязанность? Или же это результат признания того, что с тобой произошло, события, которое не сводилось только к сентиментальной реакции? Именно тут у нас нередко возникают затруднения. Отец Джуссани продолжает: признание «состоит в *непрестанном проявлении инициативы*, позволяющем вновь осознать значение события для нашего существования». На событии дело не заканчивается. Нужно «*непрестанно проявлять инициативу*, чтобы вновь осознать значение события для нашего существования». Подумайте, что если бы Иоанн и Андрей повели себя иначе, если бы они не последовали за порывом сердца, то есть за желанием еще раз увидеть Его, с которым проснулись наутро после встречи! И так с каждым событием. Те из нас, кто внимательно слушал песни в начале, сможет ответить, что совершает событие. Оно преобразует «время в ожидание», как пела Мина словами Доменико Модуньо. Ожидание чего? Того, чтобы «вновь

увидеть тебя», то есть ожидание, которое не позволяет остаться в ступоре, и именно отсюда, а не от моралистического усилия, рождается движение, действие. Его исток – в определенном отношении (в этом смысле действительно можно назвать его нравственным), в желании не потерять то прекрасное, что с нами произошло. Вот почему Джуссани говорил: «Это странная работа, подразумевающая постоянное возобновление: “постоянное”, поскольку Его присутствие дано нам даром, не мы его творим [не мы его производим], оно – событие, которое происходит и требует от нас непрерывно признавать его. Мы же обычно, вместо того чтобы признавать присутствие Христа, придумываем, каким оно должно быть, и наши мысли неизбежно изживают себя и разрушаются. Так, те, кто устает не понимать, как им хотелось бы, уходят [нам стоит понять, потому что, если человек не понимает, он уходит!]; те же, кто следует, меняются, и все для них преобразуется. Работа, о которой мы говорили, то есть признание присутствия Христова, – это *осознание красоты* [далекое от морализма!], а не *разумность наших проектов*. Красота – притягательность истины, а истина, которая есть Христос, постоянно превосходит нас. Таким образом, осознание красоты по природе своей открыто, устремлено к утверждению “чего-то”, что больше нас, чего-то, непрестанно вырывающего нас из плена нашего воображения. Кроме того, ничто так ужасно не разочаровывает и не разлагает, как собственный проект, который упорно не удается реализовать. Поэтому в жизни есть только одно призвание: быть [открытыми] <...>, не пытаться устроиться [как нам хотелось бы] и не стремиться к обладанию. Истина, которой мы владеем, есть нечто Иное по отношению к нам, и потому она вырывает нас из жестких рамок того, что мы пытаемся придумать <...>, и просит нас с готовностью согласиться на вечно возобновляющийся путь» (L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma: EDIT-Il Sabato, 1993. P. 162–163). Именно открытость этому пути подтверждает природу события, потому что, если ты встречаешь кого-то, кто ничем не отличается от других, кто не пробуждает в тебе желания проделать путь, кто не пробуждает в тебе ожидания, то дальше и говорить не о чем. И проблема не в том, что от тебя требуется некое моралистическое усилие – у тебя просто нет адекватных причин, чтобы его совершить! Тот, кого ты встречаешь, недостаточно драгоценен и потому не вызывает у тебя интерес, не задействует весь твой человеческий динамизм и не подталкивает тебя вновь искать Его. Вот почему речь идет не об обязанности, а о привязанности, рождающейся из суждения, из признания ценности, значения того, что с тобой произошло. Когда эмоции рассеиваются, ты должна спросить себя, что с тобой произошло. Была ли это лишь эмоция или же случилось нечто истинное, и потому теперь ты испытываешь более глубокую привязанность, нежели день назад, и вновь ищешь Его, вновь предпринимаешь инициативу, чтобы признать Его? События, происходящие непосредственно после встречи с чем-то исключительным, порой помогают нам осознать, какая работа от нас требуется.

Для меня духовные упражнения студентов, которые прошли в Римини десять дней назад, стали первым опытом в Движении. Я поехала по приглашению друзей, совершенно не представляя себе, что могло произойти, и уж точно я никогда бы не могла вообразить то, что в действительности произошло. В первый же вечер, в пятницу, во время введения, ваши слова потрясли и взволновали меня. Они показались мне глубоко истинными – истинными для моего сердца, потому что я словно вышла из оцепенения, словно кто-то вдруг сделал для моего сердца очевидным то, от чего я всегда старалась отдалиться. Вы говорили, что часто мы рискуем впасть в скуку, опустить руки, поддаться ностальгии, которая, как нам кажется, должна бы рано или поздно развеяться, но которая всегда возвращается. И я ощутила в себе желание изменить мой подход к жизни, жить более насыщенно.

Видите? Событие происходит и заставляет взяться за жизнь.

Именно. С тех пор как я поступила в университет, у меня часто выдавались богатыми событиями дни, но всегда не хватало чего-то, что придавало бы значение моим делам и собрало бы их воедино. Постоянно был риск утратить вкус и смысл. На упражнениях я услышала слова, которые словно снесли стену внутри меня, – я это осознала в последующие дни, в том числе и благодаря полной открытости в отношении людей, пригласивших меня. Я смогла открыться им со всеми моими слабостями и хрупкостью, а это всегда было для меня очень непросто. Во всем, что со мной происходило, я замечала нечто потрясающее и ощущала себя в правильном месте с правильными

людьми. Мне бы хотелось продлить этот опыт, и в то же время я с нетерпением ждала возвращения домой, чтобы рассказать дорогим мне людям, моей семье, моему жениху о том, что случилось. И мои родные тоже открылись, оценили мое огромное счастье. Мой молодой человек поначалу не разделял моей радости; он сказал, что никогда раньше не видел меня такой счастливой, и не принимал моего счастья, потому что не участвовал в нем. Вернувшись к повседневной жизни, я осознала, насколько сложно разъяснить близким то, что я переживала. Мне удалось, удается, то есть я стараюсь, чтобы произошедшее во мне изменение было явным. Я заметила, что распоряжаюсь временем по-другому, что чуть иначе смотрю на вещи, и я уверена: этот опыт не прервется. На вопрос о том, идет ли речь только о чувствах и эмоциях, я могу с твердой уверенностью ответить: мой опыт реален и истинен. Во мне проснулись желания и потребности, ощущение веры, которые кажутся мне по-настоящему моими. В эти дни я начала читать «Религиозное чувство» Джуссани, и меня особенно поразили следующие две фразы. «Я исследую, чтобы знать какую-то вещь, а не для того, чтобы думать о ней». И чуть дальше: «Здравомыслящий человек хочет знать, в чем состоит действительность: он сможет думать о ней тогда и только тогда, когда он знает, какова она». По моему, эти слова идеально описывают мои попытки не сводить все к готовым умственным построениям. Подтверждение тому я нахожу и в сравнении с «исходным опытом»: пока какая-либо вещь соответствует мне, она истинна, и я могу ей доверять. Хочу только добавить, насколько изменившейся я себя чувствую. Мне очень нравится выражение «я та же, но в то же время другая», и я могла убедиться в его правоте, будучи среди друзей. Они принадлежат, скажем так, другой реальности, и я их очень люблю, и все же я заметила, что субботние вечера, проведенные с ними определенным образом, меня уже не удовлетворяют, не дают того, что я нашла в новой дружбе, которая делает меня более истинной. И я не хочу потерять это.

Спасибо. В чем, по-вашему, заключается работа, труд, о которых мы говорили раньше? В том, что, проделав подобный опыт, человек, и раньше живший насыщенно, ощутил реальную новизну и перед реакциями открытости или непонимания сразу же начинает задаваться вопросом о произошедшем: реально ли оно или это лишь эмоции? Такой вопрос не является некой обязанностью, нет, просто жизнь не освобождает меня от работы, и я должен для самого себя найти причины случившегося, имея в виду в том числе и возражения окружающих, которые порой могут привиться и в нас. С этого начинается путь, борьба за такое признание. Тут нет ничего автоматического, ничего механического! И так происходит не только сейчас, в период, когда рушатся очевидности. То же самое случилось и со слепорожденным: сразу же после исцеления он вынужден начать борьбу против всех и вся, он должен перед лицом окружающих и перед самим собой проявить инициативу и признать произошедшее с ним. Что это – морализм или (как ты совершенно верно говоришь, поскольку уже читаешь «Религиозное чувство» с таким сознанием) желание узнать? Здравомыслящий человек хочет знать, в чем состоит действительность, только тогда он может о ней думать. Нужно всегда стремиться узнать больше. Так, задаваясь этим вопросом, ты, читая «Религиозное чувство», можешь уловить то, что позволит ответить. И находишь исходный опыт («это мне соответствует») уже на первых страницах! Именно так признание вновь и вновь повторяется в жизни. Однако нам хочется, чтобы оно никогда не прерывалось, и порой нас разочаровывает тот факт, что оно не так непрерывно, как нам хотелось бы.

Я отец пятерых детей, инженер по профессии, и в последнее время у меня много работы. Таковы мои обстоятельства, и я говорю себе: если обстоятельства таковы и если в них есть Присутствие, я хочу дойти до самой их глубины. Мне нравится работать и жить подобным образом. Естественно, чтобы предстоять перед Присутствием, необходим труд, как уже было отмечено, и поэтому я хожу на школу общины, у меня есть друзья, которые меня пробуждают и позволяют снова и снова видеть это Присутствие. Тем не менее, бывают дни, когда я словно захожу в туннель и мне кажется, что я теряю время, занимаясь делами, определяя сроки окончания работ, отвечая на телефон... Я волнуюсь, очень переживаю; мне нравится делать все хорошо, однако я понимаю, что в определенные моменты теряю время. Моя жена и дети возвращают меня к Присутствию, но даже тогда я забываюсь и вновь оказываюсь в туннеле. Выдаются дни, когда ни книги, ни люди не в состоянии вывести меня из забвения. В понедельник утром на работе был один из таких

неприятных моментов, и я написал тебе: «Как возможно не забывать и никогда не отрывать взгляда от Присутствия, придающего смысл всему?» И я повторяю мой вопрос сейчас.

Что, по-твоему, мы можем сделать? Часто мы воображаем, как должно происходить признание, и нам кажется, будто оно должно быть постоянным. Рано утром человек может признать Его, открывая глаза и читая молитву «Ангел Господень», а потом провести день, почти не вспоминая об этом. Уже много лет назад Джуссани поднимал вопрос о том, возможно ли жить в постоянном отношении с Присутствием. Возможно ли, выражаясь твоими словами, не «отрывать взгляда от Присутствия, придающего смысл всему»? Такой взгляд мы зовем памятью. В книге «*Si può (veramente?!) vivere così?*» Джуссани говорит: «Память не означает, что в каждом твоём действии ты думаешь о Нем; это даже не обязательно. Обязательно [для начала], чтобы ты *любил* это. Так становится ясно, почему “да” святого Петра есть начало нравственности: “да” святого Петра, а не анализ “когда и как” или соблюденных и нарушенных законов. Нравственность – это “да” святого Петра, которое есть выражение любви. <...> Поэтому необязательно думать о Нем в каждом действии, нужно желать жить памятью, желать жить сознанием об этом присутствии, любить сознание об этом Присутствии». Нам кажется, что этого мало, а «да» Петра представляется нам слишком хрупким. Никто из нас не сказал бы, что именно в нем начало нравственности. Мы думаем: какое же это начало, если вскоре за ним следует ошибка? Или, когда человек спрашивает: «Когда ты вернешься?», – нам не верится, что в этих словах заключен исток чего-то нового. Мы не осознаем, насколько значимы подобные вещи для отца Джуссани! «Во-первых <...> память [которая не сводится к круглосуточному воспоминанию] должна проживаться как утверждение симпатии по отношению к Богу, симпатии по отношению к Иисусу: “да” святого Петра. Даже если из тысячи дел ты ошибешься в девятистах девяноста девяти [не знаю, побил ли ты хоть однажды такой рекорд], то есть если в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи ты был рассеян <...>, после девятьсот девяноста девятой ошибки Господь сказал бы тебе: “Достаточно, чтобы ты желал Моего присутствия, чтобы ты желал осознавать Мое присутствие. Если ты этого желаешь, если сквозь боль желаешь этого, попроси Меня. Но не в смысле, что перед каждым действием ты должен остановиться и попросить; когда ты вдруг остановишься и – на самом деле по Моей благодати! – подумаешь обо Мне, в те один или два раза на дню, когда для тебя это легче, попроси Меня, чтобы память приходила все чаще, все больше”. Чем чаще ты стараешься жить памятью (вчера ты подумал о Нем два раза: причащаясь и ложась спать, сегодня – уже четыре... количество неважно [это не более чем гнетущие цифры], важна тенденция), чем чаще пытаешься думать о Нем, чем чаще просишь о том, чтобы думать о Нем, тем твоя почва как будто все больше поднимается, набухает, обогащается. <...> Со временем [в соответствии с замыслом, который нам знать не дано] <...> повторение определенных действий становится все более привычным» (*Si può (veramente?!) vivere così?* Milano: BUR, 2011. P. 430, 432–433). Но верим ли мы до сих пор в этот метод? Или же Иисус глубоко ошибся, доверившись «да» Петра, поставив все на «да» Петра? Не ошибся ли еще больше Джуссани, последовав за Ним? Видите? Вызов становится все радикальнее. Каждый должен в собственном опыте обнаружить, что им движет. Потому что движет нами лишь событие. Даже если оно происходит лишь раз на дню в море рассеянности, нужно начинать следовать за ним в изумлении, в полном удивлении – не перед девятьюстами девяноста девятью случаями, в которых ты забыл о Нем (твоя хрупкость – ни для кого не секрет), а перед тем одним случаем, когда ты был вырван из рассеянности. Начни удивляться этому разу, начни желать его – и ты забудешь о математике, а когда у тебя ничего не будет получаться, потому что у тебя много дел или время проходит впустую, ты начнешь вновь искать Его с сердцем, полным благодарности. Почему? Потому, что осознавать нехватку – уже благодать, и она повторяется вновь и вновь.

Я приехал с упражнений студентов в некоторой растерянности, хотя обычно возвращался довольным и радостным. В этом же году я был немного рассержен, поскольку ты в очередной раз повторил нам, что пребывать в благодати тех трех дней – значит, следовать. Следовать, опять следовать! После всех этих лет в Движении я должен опять слышать то же самое: следовать, следовать. В настоящий момент многие вещи, особенно учеба, трудно мне даются, и я спрашиваю себя, куда меня ведет следование?

Все мы знаем, какой оттенок приобретает в твоём рассказе слово «следование»...

Именно! Однако хватило самой малости, чтобы все изменить.

Действительно, многого не нужно!

На обратном пути мы с друзьями пели в автобусе. Потом я вернулся в университет, начал потихоньку учиться, постепенно вовлекаться в занятия и вдруг увидел, что все мои возражения как ветром сдуло, так как я понял, что в действительности нуждаюсь в...

Значит, следовать не так уж и сложно!

Хватило самой малости, потому что потом мне в голову постоянно приходила фраза: «Notam faciet gloriam nomini Sui in laetitia cordis vestri» («Он явит славу имени Своего в радости вашего сердца»). Я по-настоящему нуждаюсь в этом, поскольку, живя и общаясь с друзьями таким образом, меняюсь. И мне действительно необходимо каждодневно преклонять колени перед Хлебом и Вином, ведь эта реальность воистину воплотилась и, если мы смотрим на нее с должным вниманием, она отвечает. Многого не надо. Теперь перейду к вопросу. Меня поразила лекция Джуссани, особенно момент, где он говорит о том, что работа должна стать послушанием. Как превратить работу в послушание? Однажды признав воплощенность Христа во всех вещах, как потом следовать за Ним в повседневности? После упражнений это легко, но я не могу всегда нуждаться в исключительных фактах, ведь расти и следовать мне нужно постоянно.

Попробуем придерживаться опыта. Что произошло, когда ты признал эту воплощенность?

Идя за Ним, я был счастливее, от моей злости не осталось и следа.

В письме ты говорил: «В определенный момент я понял прекрасную природу следования».

Я всегда свожу следование к тому, что...

Отлично! Речь о моралистическом умалении следования. И почему ты так с ним поступаешь? Почему ты отрываешь следование от твоего опыта (от пения в автобусе, от учебы в университете и т. д.). Христианство либо является событием в настоящем, которое я признаю и которое постоянно влечет меня за прекрасным опытом, либо нет. Во втором случае ты рано или поздно устанешь. Поэтому превратить работу в послушание – значит, выражаясь твоими словами, понять «прекрасную природу следования». Точка. Если вы отрываете переживаемый опыт от слов, которые произносите, эти слова обретают иное значение, отличное от исходного. Превратить работу в послушание – значит подчиниться тому, как Тайна привлекает тебя сейчас. Подчиняясь, ты начинаешь переживать прекрасный опыт и кроме него ничего другого не желаешь. Это может случиться во время большого мероприятия, такого как упражнения, или же в самых простых вещах – во время пения в автобусе, или ввиду безвозмездных жестов, или перед лицом удивляющих нас событий. И тогда достаточно следовать за тем, что Он продолжает творить на наших глазах.

Но что нужно, чтобы все это увидеть? Как часто мы вообще ничего не замечаем!

Накануне упражнений я ощущал тяжелое чувство неудовлетворенности, пустоту жизни и спрашивал себя, что за нехватка их порождает и как можно быть счастливым. Однако я осознавал: как бы мучительны ни были мои вопросы, мои попытки воспринимать самого себя всерьез (в том числе и в банальных вещах), вопрошание необходимо, чтобы найти ответ о смысле пустоты. Понятное дело, спрашивать себя об этом нелегко, но, чем дальше, тем больше я понимал, что не могу перестать, поскольку тогда ничто не имело бы смысла. В таком состоянии я приехал на

упражнения, и уже введение говорило обо мне, о моих неотложных вопросах – словно ты все знал. На следующее утро мы смотрели видео, и Джуссани, описывая различные негативные ситуации, такие как болезнь, говорил, что Христос действует и в них, воплощая замысел Иного. Жизнь есть призвание, свершение чего-то, что Бог определяет для каждого из нас посредством обстоятельств. Мне этого не хватало, и я был крайне неудовлетворен. После обеда моя мама позвонила мне и сообщила, что ее последняя МРТ не выявила изменений и, следовательно, ее болезнь не прогрессирует. Она, конечно, была очень довольна, но я не находил в себе даже капли счастья, мне не удавалось почувствовать себя радостным – даже за мою маму. Я был рассержен, несчастен, и, даже если бы ее болезнь прошла бесследно, это не принесло бы мне в тот момент удовлетворения. Такие чувства сводили меня с ума, я был сам себе противен. Однако я вернулся с упражнений, сознавая, что так или иначе нас объединял определенный факт и эта компания мне жизненно необходима...

Почему? Продолжай. Я только хотел подготовить слушателей, чтобы они были предельно внимательны.

Она необходима, потому что открывает мне глаза.

Она открывает тебе глаза!

Христос и Движение становятся все более важными для моей жизни. Но тот ответ, что дал Джуссани, мне до сих пор не до конца ясен. И поэтому я спрашиваю тебя: где взять уверенность, чтобы отвечать, подобно Джуссани, на любую боль и на любое несчастье? Как обрести уверенность, благодаря которой можно подобно ему выстоять в любых обстоятельствах, даже когда кажется, что Его замысел не несет тебе ничего хорошего?

Кто-нибудь может ответить?

Я хотела бы рассказать о простом факте, который произошел со мной в ходе общения с мамой одного ребенка из детского сада моего сына. Перед летними каникулами семьи детей из нашей группы решили собраться на пиццу. Я разговорилась в этой женициной, очень цельной натурой, управляющей производством, о том, где проведу отпуск. Не особенно задумываясь над словами, я рассказала, что в этом году поеду на море с братьями и родителями мужа – так, если мне вдруг станет плохо, мы не будем одни. Совершенно справедливо последовал вопрос: «Почему тебе должно стать плохо?» Моя собеседница не знала, что у меня обнаружили серьезное заболевание, из-за которого я часто чувствую себя нехорошо. После того, как я все объяснила, она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и спросила: «Прости, как тогда возможно, что у тебя такое прекрасное лицо? Почему ты не впала в отчаяние? Каким образом у тебя получается столь спокойно заниматься твоими детьми? Я бы не смогла больше жить». Тут она заплакала и рассказала, что у нее умер внук, и ей так и не удалось после этого оправиться, все превратилось в тяжкую ношу. Она упорно задавала вопросы, и ее действительно потрясло мое лицо, хотя я ничего особенно не делала – эта женицина видела меня в самых обычных повседневных ситуациях, когда я ела пиццу или заботилась о детях. Я ответила, что не только не впала в отчаяние, но и уверена, что произошедшее со мной – не несчастье, поскольку я встретила Иисуса, а Он никогда меня не обманывал и всегда сопровождал, позволяя с помощью определенных событий и компании друзей замечать Его, замечать Его во всем. Иисус даровал мне благодать веры, но вера подразумевает путь. Я также сказала, что принадлежу «Обществу и освобождению», что именно в этом месте меня учат углублять отношение с Ним. Иисус вылепляет сердце человека и дает ему радость даже в самых немыслимых трудностях. Я не могла предложить ей ничего лучше, как прийти вместе со мной туда, где мне прививают такой взгляд, и поэтому пригласила ее на День начала года. Она не пришла и написала, что, хотя и не может не думать каждый день о моем лице, все же еще не готова начать путь и, возможно, должна подождать. Я ответила, что в любом случае мы должны поскорее встретиться и что не нужно утаивать рану в сердце. Несколько дней назад мы праздновали день рождения одного из моих сыновей, и я пригласила эту женицину. Она увидела наших друзей, увидела, как мы были вместе

(не происходило ничего сверхъестественного: кто-то играл с детьми, кто-то болтал о жизни – все это простые вещи, которые порой кажутся нам более чем нормальными, само собой разумеющимися, хотя они далеко не очевидны), увидела, как рады мы с мужем в непростой ситуации, и с волнением сказала мне: «Все это невозможно. Здесь происходит нечто из ряда вон выходящее».

Спасибо. Видите? Когда человек позволяет себя воспитывать, происходят такие вещи: мы можем смотреть на болезнь подобным образом, вызывая удивление в окружающих. Что позволяет нам быть настолько уверенными? Прделанный путь. Необходимо постоянно впускать в себя этот новый взгляд: «Иисус даровал мне благодать веры, но вера подразумевает путь». Ты принадлежишь Движению, месту, «где тебя учат углублять отношение с Ним», и Иисус вылепляет твоё сердце и «даёт радость даже в самых невыносимых ситуациях» – это видно по твоему лицу. Правда, что ты не своими усилиями добилась таких результатов, – Он Сам формирует тебя, однако, чтобы подобное стало возможно, необходимо было проделать путь, по которому ты с готовностью последовала.

Я работаю в университете, и потому и в этом году мне посчастливилось поехать на упражнения студентов. Мы еще раз (после упражнений Братства) пересмотрели видео «Признать Христа», и оно вновь сильно потрясло и взволновало меня. В последний месяц мы много работали над текстом этой лекции, однако увидеть ее вживую – совсем другое дело. В субботу я думала, что, услышав рассказ о встрече Иоанна и Андрея со Христом и о событиях, случившихся после нее, кто-то мог бы сказать: «Какая же богатая у Джуссани фантазия! Какое воображение!» На самом же деле Джуссани в буквальном смысле пережил тот опыт, переживал его, он рассказывал о себе, о собственной жизни, возможно, думая, как относиться к своим друзьям и студентам. Мне казалось, это что-то не от мира сего. Какая разница между чтением текста и реальным опытом! Могу сказать, что и я пережила опыт присутствия Христова. Мне пришли в голову все наши тексты, и мне до боли захотелось иметь их все на руках, но видеть Его перед собой – совсем другое дело. Говоря о Христе как об идеале жизни, Джуссани упоминает безвозмездность. Вновь слушая лекцию, я почувствовала благодарность, поскольку я еще раз задумалась о моей истории. В воскресенье, подводя итог, ты говорил о предпочтении, которое оказал нам Господь, избрав нас, и сказал: «Мы здесь, и наше присутствие подтверждает Божие предпочтение, победившее все наше сопротивление». Насколько же это верно в отношении моей жизни и жизни моего мужа! Меня вновь взволновал тот факт, что Он избрал меня. Эта истина вошла в мое существование много лет назад и превратилась в твердую уверенность. Один наш друг сказал бы: «Это как линия Пьяве, если взял ее однажды, она всегда будет за тобой». Я благодарна, однако переход к чистой безвозмездности, о которой ты нам говоришь, порой крайне сложен (даже когда касается отношений с самыми дорогими людьми) и омрачен требованием получить что-то взамен, отмечен вполне благим желанием удовлетворения. Я словно останавливаюсь и порой почти упиваюсь разочарованием. Так что же, значит, я в действительности не благодарна? Но это не так. Я вернулась из Римини с переполненным сердцем, но первое же повседневное разочарование подкосило меня. Можешь ли ты лучше объяснить, что значат следующие слова Джуссани: «Все не произошло вчера, а происходит сегодня! Происходит сегодня не только для меня, но и для тебя, какую бы позицию ты ни занимал: поменяй ее, если нужно!» (Л. Джуссани. Признать Христа // Х. Каррон. Присутствие во взгляде. С. 77)? Их можно воспринимать с моралистической, с этической точки зрения, как будто я должна что-то делать, предпринимать какие-то усилия: мне нужно быть открытой, нужно поменять способ действий и так далее. Но, мне кажется, тут говорится о чем-то большем, в том числе и потому, что готовность меняться долго не выдерживает. Объясни, пожалуйста, о чем речь. Может, я должна изменить взгляд на саму себя, отношение к самой себе?

Чтобы до конца в этом разобраться, необходимо уловить связь между благодарностью и безвозмездностью, то есть понять, что такое христианское событие, какова природа христианского события, которое настолько нас меняет, настолько наполняет нас благодарностью, что от благодарности в нас рождается безвозмездность. Вот о чем говорит Джуссани: «Я возлюбил тебя любовью вечной и потому сжалился над твоим ничтожеством» (ср. Иер. 31, 3). Если мы постоянно не признаем это, нам сложно будет измениться, и все наши попытки сведутся к морализму. Джуссани

говорит, что быть способными на безвозмездность можно только в том случае, если мы осознаем, какова природа действия, производимого в нас Христом, если непрестанно смотрим на Него – тогда, движимые взволнованностью, мы сможем поступать подобно Ему. Безвозмездность – плод присутствия Христа, изменение, которое Христос совершает в нас. Именно поэтому папа установил Святой год милосердия, словно говоря нам: «Смотрите на Христа, потому что, не глядя на Него, вы не сможете быть милосердными, не сможете творить дела безвозмездно, не сможете обнимать, прощать, свидетельствовать о том, какую инаковость Христос принес в мир». Изменение не морализм, а знак того, что Христос все больше охватывает нас. Один студент сразу же после возвращения с упражнений написал мне, что был недоволен, так как с гостинице его поселили вместе с человеком, который ему совершенно не нравился. И вот что произошло дальше: «Я решил открыться этой ситуации и спросил себя: неужели этот парень сводится только к его ограничениям? А что если через него Господь не устраивает мне бойкот, а просит измениться и научиться смотреть на другого только потому, что он есть? Моя позиция в тот момент стала радикально другой [не морализм, а возможность новизны]. Я с любопытством желал проверить мою гипотезу [родившуюся от инакового способа входить в отношение со всем]. На следующее утро мы смотрели видео «Признать Христа», где Джуссани настойчиво утверждает: «Я говорю только, что это событие, или это присутствие, принадлежит сегодняшнему дню! Тот человеческий поток, о котором мы говорили, я сегодня впускаю в твою жизнь! Нет ничего кроме Бога, одного лишь Бога, вчера сегодня и всегда! Великое событие, утверждал Кьеркегор, не может не присутствовать, ведь прошлому, мертвому не под силу нас изменить. Если что-то нас меняет, значит, оно в настоящем. Оно “есть, существует, если меняет”» (Там же. С. 77) [если мы отрываем благодарность от безвозмездности, благодарность уходит в прошлое; на самом же деле она существует в настоящем, и это видно по тому, как мы меняемся]. Эти слова просветили и взволновали меня, и я понял, что моя позиция по отношению к соседу по комнате стала другой, поскольку произошло событие Христа. Он изменил меня, изменяет меня и потому присутствует [именно поэтому христиане первых веков говорили: я настолько сильно изменился, что это может быть лишь благодаря Духу Святому]. Возвращаясь домой, я осознал: если Христос присутствует, Он касается всего, и все представляет собой возможность отношения с Ним. Зайдя домой, я вдруг заметил, что могу быть более открытым и нежным [вот она, безвозмездность] с моей сестрой, с которой обычно веду себя резко, и, видя ее недостатки, сказал: если Христос любит тебя такой, тогда и я принимаю тебя. В то же время я, однако, понимаю, что этот новый взгляд не приходит сам собой. Я не способен смотреть на вещи глазами Христа [и поэтому, не умея правильно смотреть, мы часто скатываемся в морализм!]. Мне в руки попало пастырское послание архиепископа Милана Анджело Сколы, в котором он [цитируя двенадцатую главу *Послания римлянам*, где апостол говорит о том, чтобы представить тела в жертву, благоугодную Богу, для разумного служения] пишет: “Каждый день мы констатируем, что это приношение нашей жизни во Христе, со Христом и через Христа, не является автоматическим. Поэтому-то святой Павел с глубочайшим реализмом предупреждает христиан, пребывающих в мире, чтобы они не сообразовывались с веком сим, с мирскими схемами. Нельзя сообразовываться с миром, предлагающим разрушительные схемы в отношении отдельных людей, человеческой семьи и всего творения. Они произрастают, как свидетельствует нам Павлово благовестие, из изначальной загадки людского греха, из сердца, раненого и растерянного, подверженного соблазну самоутверждения за счет всех и вся. Чтобы способствовать встрече со Христом, следовать за Ним, необходимо непрестанное обращение (*метанойя*), то есть изменение менталитета, позволяющее принимать личность и бытие Христовы в качестве критерия собственных мыслей и действий. <...> Весь опыт человеческой жизни в разнообразных его измерениях входит в сферу литургии, обретая чрезвычайное достоинство”. Это правда. Такой взгляд совсем не является автоматическим. И не потому, что Христос не присутствует, – просто я грешник и не способен смотреть правильно, я вижу лишь отверстие раны. Мне нужно смиренно последовать за Ним, подобно Иоанну и Андрею, в поисках непрестанного обращения. С каждым днем я все больше замечаю, насколько опыт Движения важен и укоренен в самой глубине моего бытия. Даже когда я рассеян и ослеплен по тысяче разных причин, у меня все равно есть возможность все начать заново, оттолкнувшись от ясного суждения: Христос присутствует, и все принадлежит Ему». Вот какому новому взгляду учит нас Христос. Он позволяет нам на все смотреть иначе и вновь делает все достойным любви, открывая нам вещи в их истине. Не будем думать, что

Христос видит только наши беды, наше зло, но, несмотря ни на что, скрепя сердце, Он говорит нам: «Я тебя люблю». Христос видит то, чего не видим мы! И поэтому, если мы не знаем взгляд Христа, не понимаем, как Он мыслит, нам вряд ли удастся переживать эту новизну в отношении с другими людьми. Рождество предоставляет нам удивительную возможность участвовать в событии, в котором через просьбу мы можем признать Его присутствие. Давайте начнем видеть то, чего сейчас не видим, не узнаём, что проходит мимо нас незамеченным. Именно там, в вещах, кажущихся нам очевидными, само собой разумеющимися, присутствует Христос, а мы не видим Его, потому что наш взгляд зашорен, потому что мы не научены смотреть глазами Христа. Чтобы объяснить все то, о чем мы друг другу говорим, Слово должно стать плотью и обитать с нами.

Следующая школа общины состоится в среду, 20 января. Мы продолжим работу над лекцией «Признать Христа». Пусть этот текст сопровождает нас, чтобы мы могли переживать рождественское время в компании отца Джуссани.

Рождественский плакат. Как вы уже видели, в этом году мы выбрали довольно необычный рисунок Кандинского. Конечно, куда проще смотреть на классический образ Богородицы с младенцем и другими привычными деталями и остановиться на первой сентиментальной реакции, на визуальном впечатлении, в силу которого человек, зная или думая, что знает, в чем смысл изображенной сцены, говорит: «Это мне нравится, а это не очень».

В этот же раз мы призваны задаться вопросом о том, что мы видим и почему. Спрашивая себя, каждый из нас рано или поздно найдет ответ, и он никогда не будет однозначным, поскольку искусство не математика, оно требует свободы с обеих сторон. Если мы входим в ступор перед подобными изображениями, это свидетельствует о том, что нам непривычна подобная динамика, и не только в отношении искусства, но и жизни, обстоятельств. Иногда маленьким детям приходится объяснять родителям смысл плаката! В общем, выбор рисунка Кандинского целиком и полностью связан с путем, по которому мы идем, он основан на стремлении сердца увидеть, что Господь говорит нам через события жизни. Даже выбор изображения может указывать на метод, который подходит для чего угодно и способен изменить привычный подход к рождественскому плакату. В декабрьском номере *Tracce* было опубликовано следующее пояснение: «Нынешняя романтика – кусок льда, в котором пылает огонь», – писал Кандинский в 1925 году. Именно в тот период, спустя пятнадцать лет после написания первой абстрактной акварели, художник и создал этот рисунок тушью, сегодня хранящийся в нью-йоркском музее Метрополитен. Его искусство, казалось, стало более холодным и расчетливым: в те годы он преподавал в Баухаусе, знаменитой немецкой школе архитектуры и дизайна, делавшей ставку на рационализм и функциональность. Тогда же вышла его теоретическая работа «Точка и линия на плоскости». Настоящее изображение – идеальная иллюстрация устремлений автора, желавшего простым и ясным образом показать в полной мере реальную и человеческую динамику, которая охватывает линию (нашу жизнь) под воздействием точки (другого, неожиданного гостя). Сколь бы нематериальной ни представлялась эта точка в исполнении Кандинского, она, по его собственным словам, «вызывает вибрацию в сердце». Возможно, кривые, сопутствующие траектории основной линии, как раз и выражают эту вибрацию...» (Дж. Франджи). Это ироническая попытка. Возможно, удобней было бы остановиться на классической картинке – не знаю, насколько действенное, но удобнее точно. Однако плакат помогает устремить взгляд к той решающей «точке», притягательной для каждого из нас, о которой говорят и цитаты папы и отца Джуссани.

Напоминаю, что в этот период мы предлагаем участвовать в важном жесте милосердия – благотворительной кампании AVSI, которая в этом году нацелена на помощь беженцам.

С открытием Святых врат начался Юбилей милосердия. Давайте не будем беспокоиться о том, что нам в связи с этим организовать. Было бы ошибкой свести Год милосердия к нескольким мероприятиям, которые мы можем провести вместе. Папа Франциск прежде всего призывает нас к обращению сердца. Грех терять такую возможность, ведь мы нуждаемся в милосердии, и предстоящий год может стать возможностью узнать, в каком именно милосердии мы нуждаемся. Кто научил нас этому лучше отца Джуссани? Поразмышляем о том, как он говорил о «да» Петра в лекции «Признать Христа». Ее

содержание настолько ценно, что мы решили выпустить диск с видеозаписью. Он выйдет как приложение к февральскому номеру журнала *Tracce*, приуроченному к одиннадцатой годовщине смерти отца Джуссани.

Сердечно поздравляю всех с Рождеством!

Veni Sancte Spiritus